

И.П. Филевич

**Борьба Польши и Литвы-
Руси**

**за Галицко-Владимирское
наследие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.П. Филевич**
Борьба Польши и Литвы-Руси: за Галицко-Владимирское наследие / И.П.
Филевич – М.: Книга по Требованию, 2013. – 241 с.

ISBN 978-5-518-07227-5

ISBN 978-5-518-07227-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы неоднократно имѣли случай указывать, что за все время самостоятельности Галичъ не только ничѣмъ не выдѣлялся въ ряду другихъ русскихъ земель, но что ходъ его внутренней жизни представляетъ замѣчательную аналогію съ ходомъ историческаго развитія земли, ставшей впоследствии ядромъ объединенія Руси. По крайней мѣрѣ, наиболѣе важные моменты были какъ бы предвосхищены Галичемъ: здѣсь раньше, чѣмъ на сѣверѣ, старымъ городамъ протівопоставленъ былъ новый городъ, княжій—Галичъ; здѣсь же раньше начинается объединеніе земель, и одновременно югъ и сѣверъ стараются перемѣстить въ свою землю представителя духовнаго единства Руси. Нельзя не отмѣтить, что всѣ эти проявленія были связаны именно съ галицкою почвой. Представителями ихъ явились, правда, князья Волынскіе, но возможность ихъ осуществленія опиралась, очевидно на Галичъ. „Болѣе ми того не надобѣ Володиміръ“, говоритъ Романъ, получивъ Галичъ: не изъ Володиміра, слѣдовательно, можно было стремиться къ достиженію великихъ цѣлей. Такою же притягательную силу имѣлъ Галичъ и для Данила, который не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не овладѣлъ имъ; только утвердившись здѣсь, развернулъ онъ свою дѣятельность и, на сколько было возможно, добился осуществленія идей отца.

Эти идеи скоро стали общимъ достояніемъ населенія и поддерживали цѣлостъ земли при слабыхъ Даниловичахъ и Юріи-Болеславѣ. Но на галицко-волынской почвѣ онѣ не могли осуществиться. Другая земля, шедшая, какъ мы видѣли, по слѣдамъ Галича, явилась ихъ полною выразительницей. Роль Москвы опредѣлилась какъ разъ тогда, когда надъ Галичемъ разразилась гроза, и какъ разъ незадолго до окончательнаго прекращенія борьбы на западѣ былъ нанесенъ первый рѣшительный ударъ въковому врагу на востокъ, при чемъ пало значеніе Литвы, какъ русской державы. Имя Дмитрія стало грознымъ для враговъ его „боялся и трепеталъ“ Ягайло; съ надеждой и упованіемъ стала произносить его вся Русь отъ края до края. Моментъ, ставшій рѣшительнымъ для Восточной Руси, былъ не менѣе рѣшительнымъ и для Западной. Побѣда на востокѣ стала залогомъ будущей

побѣды и на западѣ. Въ этомъ и заключается тѣсная связь исторической жизни обѣихъ половицъ русскаго міра, при всемъ видимомъ различіи ея хода. Съ этого времени, связанный съ Польшею, Галичъ является мѣстомъ постоянного противодѣйствія Польшѣ, а въ силу этого онъ былъ объектомъ непрерывнаго воздѣйствія съ ея стороны. Какъ сказывалось то и другое въ занимающій насъ періодъ—до 1433 г.,—отвѣтъ представляютъ настоящіе очерки. То, что происходило на Галицкой почвѣ послѣ 1433 г., не входитъ въ предѣлы нашей задачи, но мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь слова П. А. Кулиша, прекрасно опредѣлившаго историческую роль Галичины. Именно она, а не другая часть юго-западной Руси, „выработала идею церковнаго братства, какъ единственное оставшееся ей средство возратить русской іерархіи прежній характеръ, а Русской церкви прежнюю самостоятельность; она послужила разсадникомъ церковныхъ братствъ по другимъ русскимъ областямъ, она дала братствамъ людей для защиты народнаго дѣла“. Раньше другихъ частей оторванная отъ своего цѣлаго политически, Галичина позже всѣхъ другихъ частей порвала съ нимъ связь церковную. „Была, значить“—продолжаемъ словами Кулиша—„въ прикарпатскомъ краѣ какая-то сила, которой не доставало жителямъ прочихъ частей польской Руси для того, чтобы заявить о своей русской народности, въ виду иноплеменнаго общества, стремившагося переработать русскій элементъ въ собственную сущность“. На галицкой почвѣ столкнулись Русь и Польша. Польша, по видимому, восторжествовала. Конецъ XIV вѣка представляетъ начало новаго блестящаго періода польской исторіи. „Для тѣхъ“, говоритъ Бобжинскій, — „которые освободили страну отъ домашнихъ смуть, присоединили безъ оружія Русь и Литву, а оружіемъ нанесли рѣшительный ударъ ордену, казалось не было ничего невозможнаго“. Да, казалось... А между тѣмъ во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ польской исторіи, среди видимаго блеска и славы, пытливое вниманіе изслѣдователя поражается диссонансами, которые постепенно становятся все болѣе и болѣе грозными и наконецъ разражаются надъ Польшею громомъ. Ни претворить въ себя Русь, ни тѣмъ болѣе уничтожить ее Польша оказалась не въ силахъ. Безъ уни она „не могла существовать, но уни же и подрывала ея существованіе“. Кругъ безвыходный, признается Смолька, и ищетъ выхода въ сознаніи принесенной на алтарь высшихъ цѣлей жертвы, которая „не можетъ пропасть безъ слѣда и, подобно фениксу, должна возродиться изъ пепла“. Какое безотрадное для народа, необъятное для историка объясненіе! Что всего хуже, оно вноситъ мистическій туманъ туда, гдѣ дѣло чрезвычайно ясно. „Для счастья Ягайла Польша“, по мѣткому выраженію Каро, — „была слишкомъ мала“, ея ядро оказалось слишкомъ незначительнымъ для того „пространства“, которое временно ему удалось механически связать съ собою. Послѣ Люблинской уни

несоответствіе данныхъ, какими обладала Польша, съ цѣлями, какихъ она положила достигнуть, стало очевиднымъ: но польское ядро оказалось сравнительно слабымъ даже съ тою землею, которой первый періодъ совмѣстной жизни съ Польшей разсматривается въ предлагаемыхъ очеркахъ. Какъ ни старалась Польша, она достигла лишь того, что на небольшомъ пространствѣ Галичины гораздо раньше обозначились всѣ тѣ явленія, которыя впоследствии совершались на всей западно-русской землѣ.

Даже послѣдній цвѣтъ польскаго господства, церковная унія, съ введеніемъ которой можно усматривать въ польско-русскихъ отношеніяхъ начало конца, и та лишь на нѣсколько лѣтъ не совпала съ заключеніемъ галицкой трагедіи. Только нѣсколькими годами позже (именно въ 1443 г.) проникли сюда отголоски Флорентійской уніи, предшественницы Врестской; но за то одновременно съ ними обнаружались отмѣченные Длугошемъ результаты польскаго хозяйничанья—бѣгство русскихъ въ степи и мстительные набѣги ихъ оттуда на новыхъ хозяевъ; обнаружилось козачество! Далекъ отъ Галичины окрѣпло оно, но лишь на галицкой почвѣ счелъ возможнымъ остановиться Хмельницкій. И по настоящее время „только представители русской національности въ Галичинѣ имѣютъ право на названіе народа, которое дается не высокою образованностью, не завоевательными подвигами, а живою связью живыхъ людей и отдаленнѣйшимъ прошедшимъ страны“ (Кулишъ). Главный источникъ противудѣйствующей силы не изсякъ такимъ образомъ въ Галичинѣ и до сего дня. Исследователю отдаленной эпохи нѣтъ дѣла до современной политической злобы, но если эта злоба представляетъ очевидный результатъ историческаго хода, если все продолжающіяся воздѣйствія и противодѣйствія, взмѣнившись въ формахъ, продолжаютъ оставаться тѣ же по существу, будучи направлены, съ одной стороны, къ уничтоженію или, въ крайней мѣрѣ, искаженію народности, съ другой—къ ея охраненію. то подобный фактъ не только позволительно, но должно отмѣтить. Связь всѣхъ этихъ явленій до такой степени очевидна, что совершенно излишне уяснять ее подробнѣе. Можно сказать, что и въ настоящее время старый Галичъ не взмѣняетъ своей исторической роли: продолжая и теперь оказывать сильное противодѣйствіе не только не прекращающимся, но какъ будто даже усиливающимся попыткамъ колонизаціи, онъ вмѣстѣ съ другими своими частями, давно соединенными съ цѣлымъ, но лишь весьма недавно освобожденными отъ иноплеменнаго вліянія, оказываетъ воздѣйствіе на развитіе и укрѣпленіе національнаго обще-русскаго сознанія. Все это опредѣляетъ значеніе столѣтія русско-польскихъ отношеній, послужившихъ предметомъ настоящихъ очерковъ.

Предметъ этотъ въ наукѣ или вовсе оставленъ безъ вниманія, или затрогивается лишь мимоходомъ. Исторія Галича привлекаетъ къ себѣ общее

вниманіе: русскіе и поляки, чехи и нѣмцы посвящаютъ ей свои труды, и все-таки рѣшительный моментъ столкновенія Польши и Литвы-Руси, слѣдующая за нимъ продолжительная борьба и внутреннія отношенія въ странѣ до смерти Ягайла, все это остается въ сторонѣ, не разъясненнымъ, какъ будто не поддающимся изслѣдованію. А между тѣмъ занимающій насъ періодъ представляется во многихъ отношеніяхъ весьма важнымъ. Имъ на дѣлѣ опредѣляется значеніе предшествующей дѣятельности западно-русскихъ объединителей—Романа и Данила, и что, пожалуй, еще важнѣе, взаимное отношеніе главнѣйшихъ частей русскаго міра—юной Москвы и стараго Галича, въ періодъ непосредственно слѣдующій. Такимъ образомъ не только въ западно-русской, но и обще-русской исторіи судьбы Галицко-Волынской земли восполняютъ чувствительный пробѣлъ, весьма замѣтный въ теперешней постановкѣ вопроса объ отношеніи русскихъ земель другъ къ другу со времени смерти Данила. Что касается исторіи Западной Руси, то занимающій насъ періодъ представляетъ исходный моментъ ея вѣковыхъ отношеній къ Польшѣ. Эти отношенія рѣшительно не могутъ быть поняты правильно безъ правильнаго освѣщенія ихъ начала, опредѣлившаго въ концѣ концовъ положеніе обѣихъ сторонъ и обусловившаго ихъ дальнѣйшую роль. Точно также, здѣсь же получаетъ объясненіе роль Литвы и ея отношенія къ Руси при Гедиминѣ и за все время княженія Ольгерда, какъ равно и отношенія Руси и Литвы къ татарамъ.

Указывая научное значеніе занимающаго насъ вопроса, мы указываемъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣли, какія мы имѣли въ виду. Въ какой мѣрѣ мы ихъ достигли—судить не намъ. Считаю нужнымъ прибавить, что въ виду характера предмета мы старались въ большинствѣ случаевъ говорить словами документовъ и нигдѣ не допускали предположеній, которыя бы противорѣчили ихъ свидѣтельству. Вотъ почему мы должны были отвести, быть можетъ, слишкомъ много мѣста примѣчаніямъ.

Трудъ копченъ, и мысль естественно переносится къ тѣмъ, безъ содѣйствія коихъ онъ врядъ ли могъ бы быть исполненъ. Все время я пользовался совѣтами и указаніями Ю. Н. Бестужева-Рюмина. Постоянное содѣйствіе и самое теплое вниманіе я встрѣтилъ со стороны Е. Е. Замысловскаго и Л. Н. Майкова. Благодаря П. А. Сырку и В. А. Кракау, я имѣлъ возможность свободно пользоваться многими книгами, что весьма облегчало мою работу.

И. Филевичъ.

С.-Петербургъ
24-го марта 1890 года.

Судьбы западной Руси въ первой половинѣ XIV вѣка представляются до настоящаго времени весьма темными. А между тѣмъ, именно въ это время, завязываются узлы международныхъ отношеній нашего запада такъ крѣпко, что исторія на протяженіи вѣковъ, даже и понынѣ, занимается лишь ихъ распутываніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, первые представители новой литовской династіи быстро расширяютъ предѣлы своего государства, прилагая въ то же время всѣ старанія для его устройства и упроченія; предпоследній Пясть по возможности возстановляетъ единство польскихъ земель и въ 1320 году полагаетъ основаніе ихъ прочнаго объединенія; въ то же самое время исконный врагъ славянства — нѣмецъ все болѣе и болѣе тѣснить поляковъ съ запада и сѣвера, а въ лицѣ крѣпко засѣвшихъ на балтійскомъ побережьѣ рыцарей посягаетъ и на Литву. Общій врагъ естественно велъ оба государства къ союзу, и событія конца первой четверти XIV вѣка, по прекращеніи династіи Романовичей, правда, очень темныя и запутанныя, па сколько они могутъ быть въ настоящее время раскрыты, представляютъ дѣйствительно факты, свидѣтельствующіе о заключеніи такого союза, который, вытекая изъ естественнаго положенія вещей, не нарушая, а напротивъ, соотвѣтствуя интересамъ обоихъ государствъ, могъ, казалось, принести обильные и прекрасные плоды. При преемникахъ Гедимина и Локетка дѣло приняло совершенно другой характеръ. Оба союзника 1325 г. — и Польша, и Литва, заявляютъ въ 1340 г. притязаніе на выморочное галицко-владимірское наслѣдіе; для обоихъ оно кажется столь необходимымъ, что начавшаяся съ этого года борьба продолжалась безъ перерыва почти полвѣка; заключаемы были временныя перемирія для роздыха и сбора новыхъ силъ, но ни разу не оказалась возможности сойтись на какихъ-нибудь обезпечивающихъ обѣимъ сторонамъ прочный миръ условіяхъ, хотя такой миръ былъ

для обѣихъ сторонъ очень нуженъ: борьба была кровавая и требовала страшнаго напряженія. Завершилась она никѣмъ не предвидѣнною случайностью—бракомъ Ягайла и Ядвиги; но даже и послѣ этого она, собственно, лишь измѣнила свой характеръ: переставъ быть кровавою, стала дипломатическою и иногда до того обострялась, что какъ будто снова готова была выйти въ открытое поле битвы. Каковы были права Польши на западно-русскія земли—лучше всего показываетъ позднѣйшая аргументація ея дипломатовъ, по поводу которой серьезный польскій историкъ прямо говоритъ: „Или литовцы не знали собственной исторіи, или нравственный перевѣсъ Польши, должно быть, былъ великъ, если литовскіе послы довольствовались утвержденіями, которыя такъ легко было опровергнуть“¹⁾. Впрочемъ, возбуждать вопросъ о правахъ дакъ основаніе лишь позднѣйшіе дипломатическіе споры, въ которыхъ обѣ стороны пытались разрѣшить дѣло юридически, ни разу однако не касаясь источника наслѣдственнаго права—до того онъ оказался не замѣтнымъ, а основываясь лишь на фактахъ завоеванія Казимира—съ одной, Гедимины, съ другой стороны: доказательство, что борьба вытекала не столько изъ правъ наслѣдства Пястовъ и Гедиминовичей, какъ изъ хода исторіи обоихъ государствъ²⁾. Культурно-религіозный характеръ борьбы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію³⁾. Этимъ объясняется какъ продолжительность и жестокость перваго ея періода, такъ и то обстоятельство, что рядомъ шло коренное измѣненіе основъ жизни. На это были направлены всѣ усилія Польши, пользовавшейся все время самымъ горячимъ содѣйствіемъ Рима,

¹⁾ *K. Стадникій*, *Synowie Gedymina*. Lwów 1881 г. 1, 137.

²⁾ Прямые заявленія со стороны Казимира о законныхъ правахъ на Русь, какъ напримѣръ, въ пожалованіи Рѣшова Яну Пакославу: „*quibus (русскимъ князьямъ) divina clemencia legitimus successor extitimus*“. *Cod. d. P.* 1, 210, встрѣчаются очень рѣдко. Въ письмѣ Бенедикта XII Краковскому епископу причиною предпріятія Казимира въ 1340 г. выставлено его негодованіе и желаніе отмстить причиненную католической вѣрѣ отравленіемъ Юрія-Болеслава обиду, *Theiner*. *M. P.* 1, № 566.

³⁾ Такъ смотрѣли на это и Казимиръ, и папа: *Rex (Казимиръ) per diligentiam suam plura silvas, nemora et loca Merice nuncupata Cracoviensis et Gnesnensis diocesis versus metas Russie et Ungarie consistentes, in quibus fere bestie sevebant, ad culturam redegerit et in eis castra, villas et oppida construxerit et edificare fecerit . . . ac fideles Christiani ibidem degentes . . . in fide catholica roborati, infideles attraherent ad fidei unitatem*. *Theiner*. *M. P.* 1, № 866; такъ смотрять на это—и теперь польскіе историки, напримѣръ, Шуйскій, Смоляк

Вотъ почему содержаніе борьбы составляютъ не только военныя дѣйствія противниковъ, но и мирная дѣятельность, которой они предавались въ спорномъ районѣ съ какою-то лихорадочною горячностью каждый разъ, какъ только открывалась для нея какая-нибудь возможность.

Вступленіе Ягайла на польскій престолъ составило въ исторіи борьбы поворотный моментъ, но при всей податливости польско-литовскаго государя, полякамъ только въ предпоследній годъ его жизни удалось окончательно присоединить къ Польшѣ галицкую часть галицко-владимірскаго наслѣдія. Другая часть его—Волинь—до 1569 года оставалась за Литвой и только послѣ Люблинской уніи была присоединена къ Польшѣ. 1433 годъ былъ для Галицкой Руси завершеніемъ того процесса, какой съ 1569 года начинается на всемъ пространствѣ Литовско-Русскаго государства. Последнему представителю новой польской династіи суждено было завершить дѣло, начатое послѣднимъ Пястомъ. 1569 годъ связывается, такимъ образомъ, не только внутренно, но и внѣшне съ 1340 годомъ, представляющимъ, въ свою очередь, развитіе событій, намѣченныхъ уже смертью послѣднихъ Романовичей, хотя и въ совершенно другомъ направленіи.

Таковъ собственно объемъ затрогиваемаго въ данномъ случаѣ вопроса; такъ далеко до и послѣ 1340 года тянется естественная связь событій. Мы не будемъ разсматривать его въ этомъ объемѣ: онъ слишкомъ сложенъ и требуетъ многихъ подготовительныхъ работъ, которыя только начинаютъ появляться. Наша цѣль—прослѣдить первый періодъ борьбы, до окончательнаго включенія въ составъ польскихъ земель Галицкой Руси, которая, задолго до Люблинской уніи, является какъ бы прообразомъ судьбы Руси юго-западной. Въ меньшихъ размѣрахъ, въ менѣе продолжительный срокъ, съ болѣе яркими—что вполнѣ естественно—результатами происходило въ Галичинѣ буквально то же, что медленно и не столь открыто подготавливалось въ Руси юго-западной съ 1386 по 1569 г., а послѣ Люблинской уніи и совершалось уже безъ стѣсненій. Указанный характеръ борьбы естественно опредѣляетъ стороны, на которыя должно быть обращено особенное вниманіе: очеркъ военныхъ дѣйствій и внутреннія мѣры польскаго правительства въ очутившейся подъ его властью части Руси. Въ послѣднемъ случаѣ особенное значеніе имѣютъ дѣла церковныя, почему они и будутъ разсмотрѣны отдѣльно. Военная борьба получаетъ особенный характеръ еще и потому, что она происходитъ, такъ-сказать, въ виду двухъ иноплеменныхъ

силъ — нѣмецкой и татарской, затруднявшихъ свободныя дѣйствія противниковъ и вызывавшихъ нерѣдко въ самомъ ходѣ ея существенныя усложненія. На сколько такое сосѣдство, особенно нѣмецкое, обнаруживало въ данномъ случаѣ свое вліяніе, увидимъ сейчасъ, такъ какъ предшествовавшій 1340 году ходъ исторической жизни Польши и Литвы необходимо долженъ быть разсмотрѣнъ по стольку, по сколько онъ, какъ сказано, составлялъ причину ихъ враждебнаго столкновенія.

I.

Польша, Литва и татары до 1340 года ¹⁾.

Колебания и повороты в ходѣ исторической жизни народовъ обычны, но едва ли в какой-нибудь исторіи они выступаютъ съ столь рѣзкою рельефностью, какъ в исторіи Польши. В первый ея періодъ (960—1138 гг.) это обнаруживается особенно ярко. За едва замѣтнымъ выступленіемъ Польши на историческое поприще при Мешкѣ I слѣдуетъ періодъ блеска и славы удивительныхъ подвиговъ и смѣлыхъ замысловъ Болеслава Храбраго, пытавшагося сдѣлать Польшу центромъ западнаго и восточнаго славянства. Пятнадцатилѣтній періодъ вслѣдъ за смертью Храбраго открываетъ картину такого паденія, разстройства и безсилія, что блескъ и слава времени недавно минувшаго стали вскорѣ легендой, не только никогда болѣе въ дѣйствительности не осуществлявшеюся, но тѣмъ болѣе приукрашиваемою, чѣмъ сильнѣе чувствовалась невозможность даже приближительнаго ея осуществленія. Возстановленіе порядка и цѣлости государства совершается при Казимірѣ I, главнымъ образомъ, благодаря внѣшнему содѣйствію—Генриха III, Ярослава Мудраго—а дѣятельность двухъ послѣдующихъ польскихъ Болеславовъ—II и III уже явно не заключаетъ въ себѣ никакихъ задатковъ дальнѣйшаго преслѣванія: первый изъ нихъ и умираетъ въ изгнаніи, второй передѣ

¹⁾ В настоящей главѣ будутъ указаны лишь тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы, которыя ближайшимъ образомъ обусловили ихъ столкновеніе. Очеркъ внутренней жизни Польши имѣетъ въ виду, конечно, лишь группировку фактовъ болѣе или менѣе общезвѣстныхъ.

смертью назначаетъ Краковъ столицею государства, какъ будто укзывая этимъ на бесплодность своей дѣятельности, исхлдившей изъ Великой Польши ¹⁾. Очевидно, уже въ то время польской исторической жизни существовали причины, мѣшавшія правильному ея ходу и развитію. Періодъ, слѣдовавшій за смертью Кривоуста, представляетъ въ исторіи Польши печальную картину все болѣе и болѣе усиливающагося внутренняго разстройства, въ которомъ прежде всего совершенно падаетъ значеніе великаго краковскаго князя, затѣмъ съ 1216 года начинаются безпрерывные княжескіе споры, сопровождаемые фактами, о которыхъ не могутъ дать никакого понятія смуты удѣльнаго періода на Руси даже въ самое мрачное его время. Польша того времени представляла, по образному выраженію Шайнохи. „пепелище, тлѣющее искрами домашнихъ раздоровъ, взаимныхъ измѣнъ, вѣроломныхъ союзовъ съ вражбыми сосѣдями на собственную и отечества гибель“ ²⁾. Такое состояніе Польши продолжается почти до конца XIII вѣка. Съ 1279 до 1306 года въ исторіи Польши видимъ четыре момента поочередной смѣны подъема и паденія. Слабый почиъ Лешка Чернаго парализуется участіемъ инороднаго элемента и смѣняется полнымъ торжествомъ его при Генрихѣ Добромъ. Состоятельный и энергичный дѣйствія Премыслава велико-польскаго, составившаго знамя государственнаго единства и 26-го іюня 1295 года торжественно коронованнаго въ Гвѣзнѣ, кончаются плачевною гибелью „последняго великополянина“. Кто бы ни были убійцы Премыслава—Бранденбургскіе ли маркграфы, или Наленчи и Зарембы ³⁾ во всякомъ случаѣ главнѣйшую выгоду извлекли отсюда нѣмцы, а мысль Премыслава осуществилась лишь 20-го января 1320 года, и уже не въ ближайшей къ нѣмцамъ Великой Польшѣ, а въ Краковѣ, болѣе отдаленномъ и безопасномъ отъ двухъ передовыхъ постовъ тевтонизма—Бранденбурга и Ордена. До какой степени положеніе ка-

¹⁾ Какимъ образомъ случилось, что онъ (Кривоустъ), всецѣло велико-польскій князь назначилъ въ завѣщаніи главный городъ Хорватіи великокняжескою столицей?... Развѣ предостерегъ его политическій инстинктъ, что въ иномъ случаѣ Польша можетъ потерять Хорватію, бывшую предметомъ посягательствъ Премысловичей съ запада и Ростиславичей со стороны Сана и Днѣстра. *С. Смолька* Rok 1386. Краковъ 1886, стр. 54.

²⁾ *К. Шайноха*, *Bolesław Chrobry i odrodzenie się Polski*. Lwów. 1859, стр. 256.

³⁾ Всего вѣроятнѣе, быть можетъ, посредственно *is fecit cui prodest*, какъ и объясняли это позднѣйшія извѣстія. *Röppell*, G. P., 558, пр. 42.